

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

БИБЛИОТЕКА ГИЕННА

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ V.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетер-
Марта 25 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССІЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ



Бида не по деревьяхъ ходить,
И хтожъ ъи не скупшовавъ?
Бида биду, говорятъ, родить,
Бида для насъ, — судьбы уставъ!
Эней въ биди, якъ птычка въ клитци;
Запутався, мовъ рыбка въ ситци;
Терявся въ думахъ молодець.
Ввесь свить, здавалось, зговорывся,
Ввесь мыръ на його нанустывся,
Щобъ розорыть його въ кинецъ.

Эней ту бачивъ страшну тучу,
Що на його війна несла;
Въ ній бачивъ гибель неминучу,
И мучивсь страшно, безъ числа.
Якъ хвыля хвилю проганияла,
Такъ думка думку пошыбала;
Къ Олимпськымъ руки протягавъ.
Надеждою хотъ підкреплявся,
Но перемины винъ боявся
И духъ його изнемогавъ.

Ни ничъ його не вгамовала,
Винъ о війни все сумовавъ;
И вся колы ватага спала,
То винъ по берегу гулявъ,
Хотъ зъ горя сыльно изнемигся;
Мовъ простый, на писку улигся,
Та думка спаты не дала.
Скажить! тогди чи дуже спытсся,
Якъ доля противъ насъ ярыгся
И якъ для насъ фортуна зла?

О сонъ! зъ тобою забуваемъ
Все горе и свою напасть;
Чрезъ тебе сылы набираемъ;
Безъ тебежъ мусилыбъ пропасть.
Ты ослабившихъ укріпляешъ;
Въ тюрьми невинныхъ утишаешъ,
Злодѣивъ сныщамы страшышь;
Влюбленныхъ ты до купы зводишь,
Зли замыслы къ добру приводышь,
Пропавъ! — одъ кого ты бижышь.

Эней мысли турбовалы,
Но сонъ такы свое бере;
Тилесни сылы въ кимъ охлялы,
Въ тимъ духъ не швидко, та замре.
Эней заснувъ и бачыть сныще:
Предъ нымъ стоить старый дидыще,
Обшытый весь очеретомъ;
Винъ бувъ соби ковтуноватый,
Сидый, въ космахъ и пелехатый,
Зигнувся, пидпершыся цинкомъ.

«Венерынь сыну! не жахайся,
Дидь очеретяный сказаъ:
«И въ смутокъ дуже не вдавайся,
«Ты гиршіи биды выдавъ;
«Війны кривавой не страшыся,
«А на Олимпськихъ положыся,
«Воны все злее отдалять.
«А що мои слова до дила,
«Лежыть свыня пидъ дубомъ била
«И трыдцять билыхъ поросять.

«На тимъ-то бермози свыноты
«Дуль построиъ Албу градъ,
«Якъ трыдесать промчатся годы,
«Зъ Юоною якъ зробыть ладъ.
«Еднаковожъ самъ не плошайся,
«Зъ Аркадянамы побратайся,
«Воны Латынцямъ ворогы;
«Троянцывъ зъ нмы якъ зєднаешъ,
«Тогди и Турна осидлаешъ,
«Все військо выбьешъ до ногы.

«Вставай Энею! годи спаты,

«Вставай и Богу помолысь,

«Мене ты мусишь также знаты:

«Я Тыбръ старый! — ось прыдывысь.

«Я тутъ водою управляю,

«Тоби я вирно помагаю,

«Я не прочвара, не упырь.

«Тутъ будетъ градъ надъ городамы,

«Поставлено такъ мижъ богамы....»

Сказавшы се, дидъ въ воду нырь.

Эней пробуркався, схопывся

И духомъ моторнійшый ставъ;

Водою Тыбрською умывся,

Богамъ молитвы прочытавъ.

Веливъ два човны знаряжаты

И сухарямы запасаты,

И воинивъ туда сажать.

Якъ млюсть пишла по всьому тилу:

Свыню уздривъ пидъ дубомъ билу

И трыдцять билыхъ поросять.

Звеливъ ихъ заразь поволоты
И дать Юнони на обидъ;
Щобъ сею жертвою свыноты,
Себе избавити одъ бидъ.
Потимъ въ човны метнувъ хутенько,
Поплывъ по Тыбру внызь гарненько,
Къ Эвандру помочи просить;
Лисы, вода, писки зъумылись,
Яки се два човны пустылись
Съ одвагою по Тыбру плыть.

Чи довго плывъ Эней, — не знаю,
А до Эвандра винъ доплывъ;
Эвандръ, по давньому звичаю,
Тогди для празныка курывъ,
Зъ Аркадянамы весельвсь,
Надъ варенухою трудывсь
И хмилъ въ ихъ головахъ бродывъ;
И тилько що човны уздрилы,
То вси злякалыся безъ миры,
Одынъ къ Троянцямъ пидступывъ.

Эвандръ, царь Аркадскій.

«Чи по неволи, чи по воли?
Крычыть Аркадскій имъ горлань:
«Родылысь въ неби вы, — чи доли?
«Чи мырѣ намъ везете, чи брань?
«Троянецъ я Эней отважный,
«Латынщывъ ворогъ я прысяжнѣй,
Эней такъ съ човна закрычавъ:
«Иду къ Эвандру погостыты,
«На перепутти одпочыты,
«Эвандръ царь добрый, я чувавъ.»

Эвандра сынъ Палантъ вродливый,
Къ Энею заразы пидступывъ;
Отдавъ поклонъ дружелобивый,
До батька въ гости попросывъ.
Эней съ Палантомъ обнимався
И въ його прыязнь засталявся,
Потимъ до лису почвалавъ,
Де гардовавъ Эвандръ съ понамы,
Со старшыною и панами.
Эней Эвандрови сказавъ:

«Хоть ты и Грекъ, та царь правдивый,

«Тоби Латышци ворогы;

«Я твій товаришъ буду щырый,

«Латышци и минн врагы.

«Тенерь тебе я супликую

«Мою уважить долю злую

«И постояты за Троянь.

«Я кошовый Эней Троянецъ,

«Скытаюсь по мыру, мовъ ланецъ,

«По вснмъ товчуся берегамъ.

«Прыйшовъ до тебе на отвагу,

«Не думавшы якъ прыйменъ ты;

«Чи буду пыты медъ, чи брагу?

«Чи будемъ мы соби браты?

«Скажы, и руку на—въ завдатокъ,

«Котора, бачъ, не трусытъ схватокъ

«И самыхъ злійшихъ намъ врагивъ.

«Я маю храбрую дружыну,

«Терпившихъ гирькую годуу,

«Одъ злыхъ людей и одъ богивъ.

«Мини найбилше дойидае
«Рутульскій Турнъ, собачій сынъ;
«И лышь гляды, то и влучае,
«Щобъ згамкаты мене якъ блынъ.
«Такъ лучше въ саживци втоплюся,
«И лучше очкуромъ вдавлюся,
«Нижъ Турнови я покорюся.
«Фортуна не въ його кишени;
«Турнъ побува у мене въ жмени;
«Дай помичъ! — я зъ нымъ потягнуся.»

Эвандръ мовчавъ и прислухався,
Слова Энеевы ковтавъ;
То усь крутивъ, то осьмихався,
Энееви отвить сей давъ:
«Эней Анхизовичъ, сидайте,
«Турбаціи не заживайте,
«Богъ мылостывъ для гришныхъ всихъ;
«Дамо вамъ вѣйска въ пидпомогу,
«И провіянту на дорогу,
«И грошынятокъ зъ якыйсь михъ.

«Не поцурайтесь хлиба - солы,
«Борщю скопштуйте, галушокъ;
«Годуйтесь, кушайте доволи,
«А тамъ съ труда до подушокъ.
«А завтра, якъ начне свитаты,
«Готово вѣйсько выступаты,
«Куды вы скажете, въ походъ;
«За мной не буде остановки;
«Я зъ вами не роблю умовкы;
«Люблю я дуже вашъ народъ.»

Готова страва вся стояма,
Спишчылы вси за стілѣ сидать;
Хоть де-яка позастывала,
Що мусилы підогривать.
Просилне зъ ушками, зъ гринками,
И юшка съ хляками, съ кышками,
Телячий лызень тутъ лежавъ;
Ягны и до софорку куры,
Печени разнои тры гуры,
Багацько ласыхъ тожъ потравъ.

Де йистся смачно, тамъ и пьется,
Одъ землякивъ я такъ чувавъ;
На ласее кутокъ найдется,
Эней зъ своїмы не дримавъ.
И правда, гости доказалы,
Що жыть воны на свити знали:
Пылы за жызнъ, — за упокой;
Пылы здоровье батька съ сыномъ,
И голь, голь, голь, мовъ клынъ за клыномъ,
Крычать заставывъ на розстрой.

Троянъци п'яни розбрехалысь
И чванымыся безъ пуття,
Съ Аркадянкамы женихалысь,
Хто такъ, — а хто и не шутя.
Эвандръ точывъ гостямъ росказы,
Хвалывъ *Пракловы* проказы,
Якъ злого *Кака* винъ убывъ;
Якѣи *Какъ* робывъ розбои
И що для радости такои,
Эвандръ и праздныкъ учредывъ.

Вси къ ночи такъ перепылыся,
Держалысь ледве на ногахъ;
И на ничъ въ городъ поплелыся,
Яки итты булы въ сылахъ.
Эней въ керею замотався,
На задvirку хропты улався,
Эвандръ же въ хату рачкы лизъ;
И тамъ шидъ прылавкомъ зигнувшысь,
И цупко въ бурку завернувшысь,
Захрипъ старый во весь свѣй нисъ.

Якъ ничъ покрыла пеленою
Тверезыхъ, пьяныхъ, — всихъ людей;
Якъ хрипъ Эней одъ перепною,
Забувшы о биди своей,
Венера безъ спидныщи, боса,
Въ халатыку, простоволоса,
Къ Вулкану пидтющемъ ишла;
Вона тайкомъ къ Вулкану кралась,
Ниначе зъ нымъ и не винчалась,
Мовъ жинкой не його була.

А все то хитрость есть жиноча,
Новышкою щобъ підмануть;
Хоть гарна якъ, а все охоча
Ище гарнійшою щобъ быть.
Венера пазуху порвала,
И такъ себе підперезала,
Що вся на выставци була;
Косынку нарошно згубыла,
Грудыну такъ собі відкрила,
Що всякого бъ зъ ума звела.

Вулканъ коваль тогди трудився,
Зевесу блыскавку ковавъ.
Уздривъ Венеру, затрусився,
Изъ рукъ и молотокъ упавъ.
Венера заразъ одгадала,
Що въ добрый часъ сюды попала,
Вулкана въ губы заразъ черкъ;
На шпыо вскочыла, повысла,
Вся опустьмась, мовъ окысла,
Билкы підъ лобъ, — и свить померкъ.

Уже Вулканъ розм'якъ, якъ кваша,
Венера те соби на усь:
За дило ну! — бере, бачъ, наша!
Теперь пидъ його пидобьюсь:
«Вулкасю мылий, уродливый!
«Мий друже вирный, справедливый!
«Чи дуже любишь ты мене? —
»Люблю, люблю, божусь клищамы,
«Ковадломъ, молотомъ, михамы,
«Все радъ робыты для тебе.»

И прылабузнывъсь до Киприды,
Якъ до просытеля пысець.
Йий корчывъ разни мыли выды,
Що бы достать соби ралець.
Венера зачала благаты
И за Энечка прохаты,
Вулканъ йому щобъ допомигъ:
Энееви зробывъ бы зброю
Изъ стали, миди, — золотую
Такую, щобъ никто не змигъ.

«Для тебе? — охъ моя ты плитко!

Вулканъ задыхавшысь сказавъ:

»Зроблю не зброю, чудо ридко,

«Нихто якого не выдавъ;

«Палашъ, шыпакъ, панцырь со щытомъ,

«Все буде золотомъ покрыто,

«Якъ Тульскіи кабатырькы;

«Насичка съ черню, съ образками»

«И зъ кунштыкамы и зъ словами,

«Скризь будуть брязкальця, дзвинкы.»

А щожъ, не такъ теперь буває

Промижъ жинкамы и у насъ?

Колы чого просыты мае,

То добрый одгадае часъ

И къ чоловіку прыгниздытся,

Прыцулытся, прыголубытся,

Цилуе, гладыть, лескотыть;

И вси суставы розшрубуюе,

И мизкомъ такъ завередуе,

Що сей для жинкы все творыть.

Венера въ облако обвыившысь,
Махнула въ Пафосъ отдыхать,
Одъ всихъ въ свители зачывившысь,
Себе тамъ стала розглядать.
Красы помъяти расправляла;
Въ волосси кудри завывала,
Ну, пъятна водамы мочить.
Венера, якъ правдыва маты,
Для сына рада все отдаты,
Зъ Вулканомъ рада въ кузњи жить.

Вулканъ до кузњи дочвалавшы,
Будить зачавъ всихъ коваливъ;
Свынецъ, зализо, мидь зибравшы,
Все гриты заразъ извеливъ.
Михы пристрашни надымають,
Огонь велькый роспаляютъ,
Пишовъ трескъ, стукъ одъ молотивъ.
Вулканъ потіе и трудится,
Всихъ лае, бье, пужа, ярытся,
Къ работи прыгания майстривъ.

И сонце злизло высоченько,
Уже часъ сьомый ранку бувъ;
Уже закушовавъ смачненько
Хто добре пинною лыгнувъ;
Уже онагры захрючали,
Вороны, горобци крычали,
Сыдили въ лавкахъ крамари;
Картюжники же спать лягали,
Финдюрки щокы пидправлялы,
Въ суды пишлы секретари.

А наши зъ хмелю потягались,
Вчорашній мурдовавъ ихъ чадь;
Стогналы, харкалы, смаркались,
Нихто не бувъ и свиту радъ.
Не дуже рано повставали
И льодомъ очи протыралы,
Щобъ освижитись на часокъ.
Потимъ взялись за оковыту
И склькалы, ричъ посполыту
Поставить, якъ итты въ походъ.

Тутъ скілько сотень одличылы
Аркадськихъ жвавыхъ парубкивъ
И въ ратныкы ихъ назначылы;
Далы имъ въ сотныкы панивъ.
Далы значкы имъ зъ хоругвою,
Бунчукъ и бубны зъ булавою,
Спысивъ, мушкетивъ, палашивъ.
На тыждень сала зъ сухарямы,
Барыльце зъ срибнымы рублямы,
Муку, пшеона, кавбасъ, корживъ.

Эвандръ, Палманта підозвавшы,
Таки слова йому сказавъ:
«Я рать Энею въ помичъ давши,
«Тебе начальникомъ назвавъ.
«А докы въ паці будешъ граты?
«Съ дивкамы день и ничъ ганяты,
«И красты голубивъ у всихъ?
«Одважний жыдъ гришитъ и въ школѣ;
«Иды лышъ послужы на поли;
«Ледащо сынъ, — то батькивъ грихъ.

«Иды службы, годы́ Энею,
«Винъ зна военне ремесло;
«Умомъ и храбростю своею,
«Въ опричнее понавъ чысло.
«А вы Аркадци! — вы не трусы,
«Давайте всимъ и въ нисъ и въ усы,
«Паллантъ мій, вашъ есть Атаманъ.
«За його быйтесъ умерайте,
«Энеевыхъ врагивъ карайте,
«Эней мій свать, — а вашъ Гетьманъ.

«А васъ Анхизовичъ покорно
«Прошу Палланта доглядать;
«Воно хотъ парубья, не спорно,
«Уміе и склады чытать;
«Та дурень, молоде, одважне,
«Въ бою якъ буде необачне,
«То може згынуть неборакъ;
«Тогди не буду жыть чрезъ сылу,
«Жывцемъ полизу я въ могылу,
«Изгыну, безъ воды мовъ ракъ.

«Берите рать, идите зъ Богомъ,
«Нехай Зевесъ вамъ помага.»
Тутъ частовалысь за порогомъ,
Эвандръ дадавъ таки слова:
«Зайдить къ Лыдійському народу,
«Воны послужать вамъ въ прыгоду,
«На Турна пидуть воювать.
«Мезентій, ихъ тисныть, сжымае,
«На чынчъ никого не пускае,
«Готовы заразы бунть пиднять.»

Пишлы, розвывши короговку
И слёзы молодбожь мыла;
Хто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У ынчыхъ мылая була.
Тогди найбилшъ намъ допикае,
Колы зла доля однимае,
Що намъ всего мылише есть.
За мылу, все терять готовы:
Клейноты, животы, обновы.
Одна, дороже мылой, — честь!

И такъ, пытейнымъ підкрепывшысь,
Утерлы слёзы изъ очей;
Пишлы, маршъ сумно затрубывшы;
Передъ же вивъ самъ панъ Эней.
Ихъ первый маршъ бувъ до байраку,
Прыйшовшы стали на бываку;
Эней порядокъ учредывъ.
Палмантъ по арміи дижурывъ,
Трудывсь, всю нічъ очей не жмурывъ;
Эней тожъ по лису бродывъ.

Якъ въ пивничъ самую глухую
Эней лышъ тилько мавъ дримать,
Побачывъ хмару золотую,
Свою на хмари гарну мать.
Венера билыка, красна,
Курносенька, очыма ясна
И вся якъ съ кровью молоко;
Духы одъ себе изпускала
И збрую чудную держала,
Явылась такъ передъ сынкомъ.

Сказала:» мылый, на, Энею
«Ту збрую, що ковавъ Вулканъ;
«Колы себе устроишь нею,
«То струситьъ Турнъ, Бова, Полканъ;
«До збруи що ни доторкнется,
«Все заразъ ламнется и гнется,
«Би и куля не бере;
«Устройся, храбруй, колы, рубайся,
«И на Зевеса полагайся,
«То носа вже нихто не втре.»

Сказавшы аромать пустыма:
Васылькы, мьяту и амбре;
На хмари въ Пафосъ покотыма.
Эней же збрую и бере,
Би очима пожырае,
На себе панцырь натягае,
Палашъ до бока привъязавъ;
Насыму щыть пиднявъ чудесный,
Не легкій бувъ презентъ небесный;
Эней роботу розглядавъ:

На щыти, въ самій середини,
Пидь чернь, зъ пасичкой золотой,
Конала муха въ павутыни,
Павукъ торкавъ ти ногой.
Поотдадь бувъ малый *Телешыкъ*,
Винь плакавъ и лыгавъ кулешыкъ,
До його кралася змія
Крылатая, съ симью главами,
Съ хвостомъ въ верству, страшна, зъ рогами,
А звалася *Жеретія*.

Вокругъ же щыта на заломахъ,
Найлучши льцарьськы дила
Булы бляховани въ персонахъ
Искусно, живо безъ чысла:
Котыгорохъ, Иванъ Царевычъ,
Кухарчычъ, Сучычъ и Налетычъ,
Услужливый Кузьма — Демьянъ.
Коций съ прескверною ягою,
И дурень зъ ступою новою,
И славный льцарь *Марцыпанъ*.

Такъ панъ Эней нашъ снаряжався,
Щобъ дружбы Турну доказать;
Напасть на ворогивъ збирався,
Зненацька копоти имъ дать.
Но зла Юнона не дримае,
Навыльоть умыслы вси знае,
Опять Ирысю посила:
Якъ можна Турна роздрочыты,
Протывъ Троянцывъ настальты,
Щобъ выкоренивъ ихъ до тла.

Ирыса виль, скользнула зъ неба,
До Турна въ пивничъ шустъ въ наметъ;
Винъ дожыдавъсь тогди вертена,
Хлыставъ зъ нудьгы Охтырьскій медъ.
Къ Лавыси одъ любви бувъ въ гори,
Топывъ печаль въ пытейномъ мори.
Такъ въ арміи колысь велось;
Колы влюбывся, чи програвся,
То пуншту хлысь.—судьба поправся!
Веселье въ душу и вльмось!

«А що? Ирыся щебетала:

«Сыдышть безъ дила и клюешъ?

«Чи се на тебе линь напала?

«Чи все Трояняцямъ отдаешъ?

«Коту гладкому не до мышкы;

«Не втне, бачу, Панько Орышкы!

«Хтобъ сподивавсь, що Турнь бабакъ?

«Тоби не хысть зъ Энеемъ бытсья,

«Не хысть зъ Лавыніей любытсья,

«Ты, бачу, здатный быть собакъ.

«Правдивый воинъ не дримае,

«Безъ просыпу же и не пье;

«Мудрое, дума, розглядае,

«Такый и ворогивъ побье.

«Ну къ чорту! швыдче охмеляйся,

«Збирать союзныхъ поспышайся,

«На нову Трою напады.

«Эней въ чужыхъ земляхъ блукае,

«Дружыну въ помичъ набирае,

«Неоплошай теперь: гляды!»

Сказавшы, столькѣ изваляла,
Шкереберть къ чорту все нишло:
Пляшкы и чарочки побыла,
Пропало все, якъ не було.
Зробився Турнѣ несамовѣтѣй,
Ярився, лотовавъ не сытѣй,
Троянской кровы забажавъ.
Вси страсты въ голову стовкнулись,
Любовь и ненависть прочнулись;
«На штурмъ, на штурмъ!» своимъ кры-

Зибравъ и кінныхъ и пихотныхъ
И всихъ для битвы шыковавъ;
И розбышакъ самыхъ одборныхъ
Пидъ крипость, задыратъ, пославъ.
Два корпусы до-куны звившы,
А на зыкратого самъ сившы,
На штурмъ ихъ не веде, а мчытъ;
Мезапъ, Талесь, въ другимъ отряди,
Пишлы одъ берега къ огради,
Побытъ Троянцивъ всякъ сплшнытъ.

Троянцы въ крепосты запершысь,
Энея ждалы вороття;
Зъ несчастямъ тисно пообтершысь,
Биду встричалы мовъ шутя.
Побачывшыжъ врагивъ напоры,
У баштъ прыбавылы запоры
И на валу вси заляглы;
Въ виконця зъ будокъ выглядалы
И носа вонъ не выставялы,
Шепталысь и люльки тяглы.

У нихъ поставлено въ громади,
Колы на ихъ пань Турнъ напре;
То всимъ сидить въ свой ограда,
Нехайже штурмомъ валъ бере.
Троянцы такъ и учынылы;
На валъ колоддя накотылы
И разный прышправлялы варъ;
Олію, дьбоготъ кыпятылы,
Жывицю, оливо топылы,
Хто лизтеме, щобъ лыть на тварь.

Турнѣ въ миру къ валу приступившы,
Скризь на зыкратому гасавъ;
Въ розсышку кинныхъ розпустившы,
Самъ якъ опареный крычавъ:
«Сюды трусливые Троянцы,
«На бой шкодливые поганци!
«Зарылись въ землю мовъ кроты;
«Де вашъ Эней, — жиночій празныкъ?
«Пряде зъ бабами набалдашныкъ!
«Не лепсько выгянуть сюды.»

И вси його такъ підкомандни
Крычали, лаялы Троянъ;
Робылы глузы имъ досадни,
Гиришъ нивычылы якъ цыганъ.
Пускалы тучамы къ нымъ стрилы,
А де-яки булы такъ смилы,
Що малы перескочыть ривъ.
Троянцы уха затыкалы,
Рутулицивъ лайкы не вважали,
Хоть бытысь всякій зъ нихъ готивъ.

Турнъ зсерця скрыготавъ зубамы,
Що въ крипосты вси ни гугу;
А стинъ не розибьешъ лобамы,
Зпосылку гныся хотъ въ дугу.
Злостъ, кажуть, сатани сестрыця,
Хотъ може се и небыльця,
А я скажу, що може й такъ:
Одъ злосты Турнъ те компоуе,
Мовъ сатана йому дыктуе,
Самъ чортъ зализъ въ його кабакъ.

Одъ злосты Турнъ осатанивши,
Веливъ багаття розводить
И вѣйсько къ берегу прывивши,
Казавъ Троянскій флотъ спалить.
Вси прынялыся за роботу;
(На злее всякый ма охоту)
Огни помчалыся къ водамъ.
Хто жаръ, хто губку зъ сирныкамы,
Хто зъ головней, хто съ фитилями,
Погыбель мчалы караблямъ.

Розжеврилось и закурылось,
Блакытне поломья взвылось;
Одъ дыму сонце закаптылось,
Курыще къ небу донеслось.
Богы въ Олимпѣ стали чхаты;
Туршъ имъ извовывъ тымфы даты.
Богынь напавъ видъ чаду дуръ;
Дымъ очи йшвѣ, лымыся слёзы,
Зъ нудыгы скакалы такъ, якъ козы;
Зевесъ самъ бувъ мовъ вынокуръ.

Венеружъ за душу щышало,
Що съ флотомъ поступылы такъ;
Одъ жало сердце замерало,
Що сяде сынъ на миль, якъ ракъ.
Въ жало, въ слизахъ и въ гирькимъ
Богыня сила въ просту будку,
На передку сивъ купыдонъ;
Кобыла ихъ везе кривая,
Цыбелла де жыла старая,
Щобъ сій язи отдать поклонъ.

Цыбелла, знаютъ во всихъ школахъ,
Що матерью була богивъ;
Изъ молоду була не промахъ,
Колы жъ якъ стала безъ зубивъ,
То тилько на пичи сидила,
Съ кулешыкомъ лемишку йила
И не мишалася въ дила.
Зевесъ йій отдаваеъ повагу
И посылавъ одъ столу брагу,
Яку Юнона лышь пыла.

Венера часто докучала
Зевесу самою бридней,
За те въ немылость и попала,
Що нильзя показать очей.
Прыйшла Цыбеллу умоляты
И мусла йій обицаты
Купыты збытню за алтынъ,
Щобъ тилько Зевса умолыла,
Вступытсѣ за Троянъ просыла,
Щобъ флота не лышывся сынъ.

Цыбелла же була ласуха,
Для збытно рада хоть на все;
До тогожъ страшна говоруха,
О всякій всячины несе.
Стяглы ти насылу съ печи,
Взявъ купыдонъ къ соби на плечи,
Въ будынки къ Зевесу и понись.
Зевесъ свою уздрившы неню,
Убгавъ весь оселедецъ въ жменю,
Насупывъ бровы, зморщывъ нись.

Цыбелла перше закректала,
А послѣ кашлять начала,
Потимъ у пелену смаркала
И духъ пять разъ перевела.
«Сатурновычъ змылосердыся,
«За ридную свою вступыся!
Къ Зевесу шокала стара:
«Безсмертныхъ смертни не вважають
«И тилько що не быють, а лають;
«Осрамлена моя гора!

«Мою ты знаешь гору Иду,
«И лисъ де съ капыщемъ олтарь;
«За ныхъ несу таку обыду,
«Якой не терпыть твѣй свынаръ!
«На зрубъ я продала Троянцямъ,
«Твоимъ молеельщикамъ, шидданицямъ,
«Дубкивъ и сосень, стронть флотъ.
«Твои уста судьбамъ велшы,
«Булы щобъ Идсѣки брусся цили,
«Нетлинные одъ рода въ родъ.

«Зыркны жъ теперь на Тыбрсѣки воды,
«Дывысь, якъ карабли горять!
«Ихъ палать Турновы уроды,
«Тебе и всихъ насъ кобенять.
«Спусты имъ,—то таке закоють,
«И власть твою соби присвоють,
«И всимъ дадутъ намъ кисля;
«Спляндрують лисъ, розрыпоть Иду;
«Менежъ стару убьють, мовъ гныду,
«Тебе прогонять видселя.»—

«Та не турбуйтесь пани-матко!

Зевесь зъ досадою сказавъ:

«Провчу я всихъ — и буде гладко;

«Анахтемъ вичный Турнъ пропавъ!»

Зыркнувъ, мыгнувъ, махнувъ рукою,

Надъ Тыбромъ, чудною рикою,

Вси вrostычъ карабли пицлы;

Якъ гусы въ воду порыналы,

Изъ караблिवъ, — сырены стали

И разни писни пиднялы.

Рутульске вйсько и союзне

Дрыжало одъ такихъ чудесъ;

Злякалось племья все окружне,

Мезапъ давъ драма и Талесъ.

Пороснулы и Рутуляны,

Якъ одъ дожчу въ шатеръ цыганы,

А тилько Турнъ одынъ оставсь.

Утикачивъ щобъ переняты,

Щобъ чудо имъ ростоковаты,

По всихъ усюдахъ самъ совавсь.

«Рыбьятушки! кричаѣ, постійте!
«Сежъ ласка Божая для насъ;
«Одкыньте страхъ и не робійте,
«Прыйшлось сказать Энею: *насъ*.
«Чого огнемъ мы не спалымы,
«То боги все те потопымы,
«Теперь Троянцы въ западни.
«Живцемъ въ земли ихъ загромадымъ,
«Разкомъ на той свить одпровадымъ,
«Богивъ се воля! вирьте мни.»

Велькїи у страха очи.
Вся рать неслась хто швыдче змигъ.
Назадъ вертатысь не охочи,
Вси биглы, ажъ не чулы нигъ.
Оставшысь Турнъ, одынъ маячывъ,
Никого вкругъ себе не бачывъ,
Стьогнувъ зыкратого хлыстомъ;
И шапку на очи насунувъ,
Во вси лопаткы въ лагерь дунувъ,
Що коныкъ ажъ вертивъ хвостомъ.

Троянцы изъ-за стинъ дывылысь
Панъ Турнъ якъ зъ вѣйскомъ тягу даъ;
Перевертнямъ морьськымъ чудылысь,
На добре всякъ те толковаъ.
Но Турнови не довирилы;
Троянцы правымъ се зналы:
Въ вѣйни зъ врагамы не плошай;
Хоть утика, — не все женыся;
Хоть мовъ и трусытъ, — стережыся;
Скыксуешъ разъ, — тогда прощай!

Для ночи вдвое калауры
На всихъ поставылы баштахъ,
Лыхтарни вишаль на шнуры,
Ходылы рунды по валахъ.
Въ обози Турна тыхо стало
И тилько, тилько що бльщало,
Одъ слабыхъ, блднихъ огонькивъ.
Врагы Троянски почывалы,
Одъ трусивъ вылазкы неждалы;
Оставможъ сыхъ хронты сонькивъ.

У главной башты на сторожи
Стоялы Эвріаль и Нызъ;
Хоть молоді булы, та гожи
И крипки, храбри, якъ харцызъ.
Въ ныхъ кровь текла хоть не Трояньска,
Якась чужая, — бусурманьска,
Та въ служби вирни козаки.
Для бою ихъ спиткавъ прасунокъ,
Пишли къ Энею на вербунокъ;
Бумыжъ обыдва землякы.

«А що, якъ выкравшысь по малу,
«Забратыся въ Рутульскій станъ?
Шептавъ Нызъ въ ухо Эвріалу:
«То каши наварымы бъ тамъ;
«Теперь вони сплять съ перепною,
«Не дрыгне ни одынь ногою,
«Хоть всимъ имъ горла перерижъ.
«Я думаю туды пустыться,
«Передъ Энеемъ заслужыться
«И сотню посадить на нижъ.» —

«Якъ? самъ! мене оставышть?

Спытався Ныза Эвріаль:

«Ни! перше ты мене удавышть,

«Щобъ я одъ земляка одставъ.

«Видъ тебе не одстану зъ роду,

«Съ тобою радъ въ огонь и въ воду.

«На сто смертей пиду съ тобой.

«Мій батько бувъ сердюкъ опричныйъ,

«Мовлявъ: (нехай покой му вичный)

«Умры на поли якъ герой.» —

«Пожды, и пальцемъ въ лобъ торкныся,

Товарышови Нызъ сказавъ:

«Не все впередъ, — назадъ дывыся,

«Ты зъ лыцарства глуздъ потерявъ.

«У тебе маты есть старая,

«Бсзъ сымъ и въ бидности, слабая,

«То и повиненъ жыть для ней,

«Одна оставшысь безъ прыпону,

«Яку потерпыть муку люту,

«Таскавысь мижъ чужыхъ людей!

«Отъ я, такъ чисто сиротына,
«Росту якъ пры шляху горохъ;
«Безъ нени, безъ отця дытына,
«Эней отецъ, — а нени Богъ.
«Иду хотъ за чужу отчизну,
«Не жаль никому хотъ изслызну,
«А память вичну заслужу.
«Тебежъ до жызны ридна вяже,
«Убьють тебе, вона въ грибъ ляже;
«Жывы для нени, я прошу.» —

«Розумно Нызъ, ты розсуждаешъ,
«А о повинности мовчышъ,
«Которую самъ добре знаешъ,
«Мини жъ зо всимъ другу твердышъ.
«Де общее добро въ упадку,
«Забудь отця, забудь и матку,
«Леты повинность исправлять;
«Якъ мы Энею прысягали,
«Для його службы жызнь отдамы,
«Теперь не вильна въ жызни мать.» —

«Иноси!» — Нызъ сказавъ, обнявшысь
Со Эвріаломъ землякомъ,
И за руки любенько взявшысь,
До ратуши пішли тынкомъ.
Іуль сидивъ тутъ зъ старшыною,
Змовлялись, завтра якъ до бою
Достанется имъ приступать.
Якъ-ось ввійшли два парубійкы,
У брамъ зминувшыся одъ стійкы
И Нызъ громади ставъ казати:

«Бувъ на часахъ я зъ Эвріаломъ,
«Мы пыльновали супостать,
«Воны теперь вси сплять поваломъ,
«Уже огни ихъ не горять.
«Дорожку знаю я окромну,
«Въ ничну добу, въ годину сонну,
«Прокрастысь можна по-узъ станъ
«И донесты пану Энею,
«Якъ Турнъ злый съ челяддю своею
«На насъ намазытъ, мовъ шайтанъ.

«Колы зволяється, — велите
«Намъ зъ Эвріаломъ попытать,
«Чкурнемъ — и покы сонце зійде,
«Энея мусимъ повыдаты.» —
«Якажъ одвага въ смутне время!
«Такъ не пропало наше племья?» —
Троянцы вси тутъ заревлы:
Одважныхъ сталы обниматы,
Имъ дяковать и цюваты,
И красовулю пиднеслы.

Іуль, Энеивъ якъ наслідникъ,
Похвальну рацію сказавъ;
И свій палашъ, що звався *побидникъ*,
До боку Ныза прыв'язавъ.
Для милого же Эвріала
Не пожаливъ того кынжала,
Що батько у Дидоны вкравъ.
И посумивъ за ихъ услугу
Земли, овець и дати по плугу,
Въ чыновни вывестъ обещавъ.

Сей Эвріаль бувъ молоденькій
Такъ, годивъ зъ девятнадцать мавъ,
Де усу быть, пушокъ мякенькій
Биленьку шкуру пробывавъ;
Та бувъ одвага и завзятый,
Сылачь, козакъ лыцарьковатый,
Но предъ Іуломъ прослезывсь.
Бо зъ матерью винъ разставався,
Ишовъ на смерть и не прощався;
Козакъ природы покорывсь.

«Іуль Энеевичъ! не дайте
«Пань-матци вмерты одъ нужды,
«Иій будьте сыномъ, помогайте
«И заступайте видъ вражды,
«Одъ бидь, напрасныны, нападку;
«Вы самы малы пани-матку,
«То въ серци маєте и жаль;
«Я вамъ старую поручаю,
«За васъ охотно умераю.» —
Такъ мовивъ чужый Эвріаль.

«Не бійся добрый Эвріале,
Гуль йому сей давъ отвить:
«Ты служишь намъ не запропале,
«На смерть несешъ за насъ живить.
«Твоимъ быть братомъ не стыжуся
«И нению заступать кленуся,
«Тебе собою заплачу:
«Пайокъ, одежу и кватyру,
«Пшона, мукы, яецъ и сыру
«По смерть, въ довольствіи назначу.»

И такъ, отважна наша пара
Пустылася въ Рутульскій станъ.
На те и мисяць вкрыма хмара,
И поле вкрывъ густый туманъ.
Будо се саме о-пив-ночи;
Рутульци спали скільки мочи,
Сывуха сну имъ пиддала;
Роздигшыся пороскладались,
Въ безпечности не сподивались.
Ни одъ кого, ни яка зла.

И часовые на мушкетахъ
Поклавшысь, спалы назаказъ;
Хроплы вси пьяни на пикетахъ,
Туть ихъ заставъ послѣдній часъ!
Переднюю побывши стражу,
Полизлы въ станъ варыты кашу;
Нызъ туть товаришу сказавъ:
«Прыляжъ къ земли ты для підслуху,
«А я задамъ Рутульцямъ духу;
«Гляды, щобъ насъ хто не спиткавъ.»

Сказавшы, першому Раменту
Головку буйную одтявъ;
Не давъ зробить и тестаменту,
Къ чортамъ його на викъ пославъ.
Сей на рукахъ знавъ ворожыты,
Кому знавъ скільки вику жыты,
Та не соби винъ бувъ пророкъ.
Другымъ мы часто пророкуемъ,
Якъ знахури чуже толкуемъ,
Собижъ шукаемъ цыганокъ.

А послѣ Ремовыхъ винъ воивъ
По одному всѣхъ подушывъ;
И блюдолызивъ, ложкомоивъ
Впрахъ, въ дребезгы перемизживъ.
Намацавши жъ самого Рема,
Потыснувъ, мовъ Хому Ярема,
Що й очи выскочылы претъ;
Вхвативсь за бороду кудлату
И злому Трои супостату
Макитру отдилывъ одъ плечъ.

Вблызи тутъ бувъ наметъ Серрана,
На сього Нызъ и наскакавъ;
Винъ тилько-що роздигсь съ каптана
И смачно по вечѣри спавъ.
Нызъ шаблею мазнувъ по пупу,
Задъ зъ головою сплюнцывъ вкупу,
Що изъ Серрана вийшовъ ракъ;
Бо голова мижъ нигъ вилелася,
А задня въ гору пиднялася;
Умеръ фыгурно неборакъ!

И Эвріаль, якъ Нызъ возывся,
То не гулявши простоявъ;
Винъ также къ соннымъ докосывся,
Врагивъ на той свить одправлявъ.
Коловъ и ризавъ безъ розбору
И якъ ни хто не мавъ зъ нымъ спору,
То поравсь мовъ въ кошари вовкъ;
И выборныхъ, и пидпомощныхъ,
И простыхъ, и старшыхъ вельможныхъ,
Хто ни попавсь, того и товкъ.

Попався Ретусъ Эвріалу,
Сей не зовсимъ ище заснувъ;
Прийихавшы одъ Турна зъ балу,
Пальонкы дома ковтонувъ
И тилько, тилько забувався,
Якъ Эвріаль къ йому пидкрався
И просто въ ротъ кынжалъ уткнувъ;
И прыколовъ його якъ квитку,
Що бабы колють на намитку,
Туть Ретусъ душу изрыгнувъ.

Нашъ Эвріаль остервеньвся,
Забувъ, що на часокъ зайшовъ;
Въ наметъ къ Мезапу бувъ пустывся,
Тамъ можебъ смерть собі найшовъ;
Но повстричався зъ другомъ Нызомъ
Съ запальчывымъ, якъ самъ, харцызомъ,
Сей Эвріала удержавъ.
«Покыньмо кровь врагамъ пускаты,
«Пора намъ видсиль уцлнтаты,»
Нызь Эвріалови сказавъ.

Якъ вовкъ овецъ смиренныхъ душыть,
Колы въ кошару завыта,
Курчатамъ тхирь головки сушыть,
Безъ крыку мизокъ высмокта.
Якъ добре время угодывши
И сиркою хливъ накурывшы,
Безъ крыку крадутъ слымакы
Гусей, качокъ, курей, индыкивъ
У Геваливъ и Аммалыкивъ,
Що роблять часто и дякы.

Такъ наши смилые воякы,
Тутъ мовча прольывалы кровъ;
Одъ ней краснѣлися мовъ ракы,
За честь и къ князю за любовъ.
Любовъ къ отчизни де героигъ,
Тамъ сыма вража не устоить,
Тамъ грудь сильнѣйша одъ гармать,
Тамъ жызнъ — алтынъ, а смерть — копѣйка,
Тамъ льщаръ — всякій парубѣйка,
Козакъ тамъ чортови не брать.

Такъ порався Нызь зъ Эвріаломъ,
Далы Рутульцямъ накарпасъ;
Земля взялась одъ крови каломъ,
Полякъ пиднявся бѣ по самъ пасъ.
Но наши, по крови бродымы,
Мовъ на торгу музыкъ водымы
И убиралысь на просторъ:
Щобъ швидче поспипыть къ Энею,
Похвастать храбростю своею
И Турнивъ розказать задоръ.

Уже изъ лагеря щастливо,
Убрались наши смильчаки;
Радило сердце нетрусливо,
Жвяхтилы мокри лычаки,
Изъ хмары мисяць показався
И одъ земли туманъ пиднявся,
Все вищовало добрый путь.
Якъ-ось Волсентъ гулькь изъ долины,
Съ полкомъ Латынської дружины.
Бида! якъ нашимъ увымьнуть?

Далы якъ разъ до лису тягу,
Быстрише биглы одъ хортивъ;
Спасались бидни на одвагу,
Видъ супостативъ, ворогивъ.
Такъ пара горлычокъ невинныхъ
Летять спастись въ лесахъ обширныхъ,
Одъ злого кибчыка когтей.
Но зло назначенне судьбою,
Слидытеме скризъ за тобою,
Не утеченъ за сто морей.

Латынці до лису слыдымы,
Одважныхъ нашихъ розбышакъ,
И часовымы окружылы,
Що зъ лису не шыгнешъ ни якъ;
А часть розсыпавшысь по лису,
Шіймалы одного заризу,
То Эвріала молодця.
Тогди Нызъ на вербу збрався,
Якъ Эвріаль врагамъ попався,
Мовъ мижъ вовкивъ плоха вивця.

Нызъ глядь, и бачыть Эвріала;
Що тишатыся нымъ ворогы;
Важка печаль на сердце пала,
Крычыть къ Зевесу: «помогы!»
Копье булатне направляє,
Въ Латынщивъ просто посымае,
Сульмону сердце пробыва;
Якъ снигъ на землю повальвся,
Не вспивъ и охнуть, а скрывывся,
Въ послѣдній разъ Сульмонъ зива.

Вслидъ за копьемъ стрилу пускае

И просто Тагови въ высокъ;

Душа изъ тила вылитае,

На жовтый, пада трупъ, писокъ.

Волсентъ утративъ воивъ пару,

Кленеть не выдимую кару

И въ яросты, якъ вилъ, реве.

«За кровь Сульмонову и Тага,

«Умрешъ проклята упыряга,

«За ными въ слидъ пошлю тебе.»

И замахнувся на Эвриала,

Щобъ снятъ головку палашемъ;

Тутъ храбристь Нызова пропала,

И сердце стало кулишемъ.

Бижить, летить, кричитьъ що сымы:

«Неккатумъ робышь *фратеръ* мыльй,

«Невынному морсѣ задаешъ:

«Я *стультусъ*, *лятро*, розбышака,

«Неквиссимусъ и гайдамака;

«Постій! невынную кровь льешъ.»

Но замахнувшись, не вдержався,
Волсентъ головку одчесавъ;
Головка, мовъ кавунъ качався,
Языкъ не внятно белькотавъ.
Уста коральни посынили,
Рум'яни щоки поблиднили
И бѣлый цвѣтъ въ лицѣ пожовкъ;
Закрылись и ясни очи,
Покрылись тѣмою вѣчной ночи,
На вики мылый гласъ умовкъ.

Уздривши Нызъ трупъ Эвріала,
Одъ яросты осатанивъ;
Всѣхъ злостей выпустивши жала,
Къ Волсенту просто полетивъ.
Якъ блискавка проходить тучу,
Винъ такъ пробигъ врагивъ мижъ кучу
И до Волсента докосивъ:
Схвативъ його за чубъ рукою,
Мечъ въ сердце засадивъ другою,
Волсентъ и духу тутъ пустивъ.

Якъ искра порохъ запальвшы,
Сама зъ нымъ вкупн пропада;
Такъ Нызъ Волсентія убывшы
И самъ лыщывся живота;
Бо вси на його и напалы,
На смерть звертили и зимьялы
И голову знялы съ плечей.
Такъ кончылы жызнъ козарлюгы,
Зробывшы славныи услуги,
На вичность памьяты своей.

Латынцн заразъ изробылы
Абы-якъ мары изъ дрючкывъ;
На ныхъ Волсента положиы
И понесли до землякывъ.
А буйни головы поклаы
Въ мишокъ, и тежъ зъ собой помчалы,
Мовъ пару гарныхъ Дубивокъ.
Но въ лагери найшлы ризныци,
Лежалы бытыхъ мясь копыци,
Пичинокъ, легкого, кышокъ.

Якъ тилько-що востокъ зардился,
Свитылка Фебова взійшла;
То Турнъ тогди уже найився,
Опьять о битви помышлявъ.
Веливъ тревогу быть въ клепало,
Щобъ вѣйсько къ бою, выступало,
Отдать Троянцямъ зъ барышкомъ
За зроблену въ ночи потиху;
Для бильшого жъ съ Троянцивъ смиху,
Веливъ взять головы зъ мишкомъ.

Свогожъ держася уговору
Троянцы въ крипосты сидять,
Забылыся мовъ мыши въ нору,
Лукаву кишку якъ уздрять.
Но дать одпоръ булы готови
И, до остатней капли крови,
Свою свободу боронить
И нову Трою защищаты,
Рутульцямъ перегону даты
И Турна лютость осрамышть.

На перву Рутулянь попытку
Троянъци такъ дамы въ отвѣтъ,
Що Турнъ соби росчухавъ лытку,
Одъ стыду скорчыло жывить.
Звеливъ зъ досады, гнѣву, злосты,
На глумъ пидняты мертви косты,
На щоглы головы наткнуць
Несчастныхъ Ныза съ Эвріаломъ,
Передъ самымъ Трояньскымъ валомъ,
Щобъ сымъ врагивъ своихъ кольнуть.

Троянъци заразъ одгадамы
Чи то головы стремлять;
Одъ жало слёзы попускалы,
Такыхъ лышывшысь парубьять.
Объ мертвыхъ вѣсть скризъ пронеслася,
Вся рать Трояньска потряслася,
И души смутку предалысь.
Якъ маты вѣсть таку почула,
То тилько вично не заснула,
Бо зубы у неи стялысь.

А одійшовшы въ груди былась,
Волосся рвала зъ головы,
Ревла, щышалася, дрючылась,
Мовъ умъ змишався у вдовы:
Побигла съ крыкомъ вокругъ вала
И голову колы пизнала
Свого сыночка Эвруся,
То на валу и расплаталась,
Крычала, гедзалась, качалась,
Кувикала мовъ пороса.

И дыкымъ голосомъ завьла:
«О сыну! свить моихъ очей!
«Чи яжъ тебе на те родыла,
«Щобъ згынувъ ты одъ злыхъ людей?
«Щобъ ты мене стару, слабую,
«Завившы въ землю сю чужую,
«На вичный викъ осыротывъ.
«Моя ты радистъ и отрада,
«Моя заслона и ограда;
«Мене одъ всихъ ты боронывъ.

«Теперь до кого прыхылюся,
«Хто злую долю облегчить?
«Куды въ биди я прытулюся?
«Слабу ни хто не прыглядыть!
«Теперь прощайте вси поклоны,
«Що получала, во дни дны,
«Одъ вдовъ, дивчаты и молодыць;
«За дывни бровы соболяни,
«За очи ясни соколяни,
«Що здатный бувъ до вечерныхъ.

«Кольбъ минн твѣй трупъ достаты
«И тило биле обмытъ,
«И съ похорономъ поховаты;
«До ямы зъ мыромъ проводить.
«О богы! якъ вы допустылы?
«Щобъ и одынчыка убьлы
«И настромылы на виху
«Його козацькую головку;
«Десь свить вертытся сей безъ толку,
«Що тутъ дають и добрымъ тѣху.

«А вы, що Эвруся згубылы;
«Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ!
«Щобъ вашижъ диты васъ побылы,
«Щобъ зъ потрухомъ погыбъ вашъ плить!
«Охъ! чомъ не звиръ я, чомъ не лвьця?
«Чомъ не скажена я вовчыця?
«Щобъ мни Рутульцивъ розидратъ;
«Щобъ сердце вырвать съ требухою,
«Умазать морду ихъ мазкою;
«Щобъ маслакы ихъ посмоктать.»

Сей галась и репетовання,
Троянь всіхъ въ смутокъ привело;
Плаксывее съ сынкомъ прощання,
У всіхъ зъ очей слізкы тягло.
Асканій билше всіхъ тутъ хльшавъ,
И губы такъ соби задрышавъ,
Що мовъ на його саль напавъ.
Къ старій зъ поклономъ пидступившы,
На оберемоць ухватывшы,
Въ землянку зъ валу потаскавъ.

А тутъ крычать, та въ трубы сурмять,
Свыстять въ свыстилкы, дмутъ въ рогы;
Квымять; брата брата въ батька луплять;
Въ наскокъ ярятся ворогы.

Тутъ ржання киньське съ тупотнею,
Тамъ разный гоминъ зъ стукотнею,
Скризь хлопить, халепа, столыхъ!
Такъ въ мидни клекотыть гарячій,
Такъ въ кабацц крчыть пиддячій,
Якъ кажутъ, хотъ вынось святыхъ.

Гей музо панночко цютлыва,
Ходы до мене погостыть!
Будь ласкава, будь не спесыва,
Дай помичъ мни, стышокъ сложыть!
Дай помичъ бытву описаты
И про війну такъ розказаты,
Мовъ твій языкъ бы говорывъ.
Ты, кажутъ, дивка не брыкльва,
Але одъ старосты сварльва;
Просты! я може досадывъ,

И въ самій речи проступився, —
Старою дивчышу назвавъ,
Нихто зъ якою не любився,
Ни женихавсь, ни жартовавъ.
Охъ! скилько музъ такихъ на свити!
Во всякимъ городи, въ повити!
Укрылыбъ зъ верху въ низъ Парнассъ.
Я музу клычу не такую:
Веселу, гарну, молодую;
Старыхъ, нехай брыка Пегасъ.

Рутульци дралися на стины,
Карабкалися якъ жуки.
Турни зъ яросты дрыжавъ и пишывъ,
Крычыть: «дружненько козаки!»
Въ свою Троянцы также чергу,
Въ одбои поралыся зъ верху,
Рутульцивъ плющылы яхъ мухъ.
Пускалы колоддя, каминня,
И враже такъ товклы насиння,
Що у Рутульцивъ хлявъ и духъ.

Турнѣ бачившы Троянѣ роботу,
Якъ рать Рутульскую трощать,
Якъ бьютъ ихъ не жалія поту,
Рутульци мовъ व्यюны пыщать;
Веливъ везты зо всіхъ олійныць,
Де тилько есть, изъ воскобійныць,
Якъ можна швидче тараны.
Якъ разъ и тараны вродымысь,
И воскобійныкы явымысь,
Прымчалысь духомъ сатаны.

Прыставывъ тараны до брамы,
Въ ворота зачалы гатыть;
Одвиркы затряслысь мовъ рамы
И снасть одъ бою вся трищыть.
Турнѣ сылы вдвое прыкладае,
И тараны самъ направляе,
И браму рушыты вельть.
Упала! стукомъ оглушыла,
Троянѣ багацько подушыла,
Турнѣ въ криность внертысь поровыть.

Бѣда Троянцѣмъ! що робыты?
А муза каже:» не жахайсь,
«Не хысть ихъ Турну побидыты,
«Въ чужую казку не мишайсь.»
Троянцы напьямы вси жылы
Та вмыгъ проломъ и заложымы,
И грудью сталы боронить;
Рутульцы бисомъ увывалысь,
Но на проломъ не насовалысь,
А Турнѣ не знавъ, що и робыть.

Троянецъ Геленоръ отважный
И якъ бурякъ червонный Лыкъ,
Горлань, вермань, кулачыкъ страшный
И щырый кундель-стеновыкъ.
Сымъ двомъ бездила — всяке горе,
Здавалось по колина море,
Потиха жъ — головы зрывать.
Давно имъ въ голови роилось,
И мовъ на поступкы хотилось,
Рутульцямъ перегону дати.

Такъ Геленоръ съ червонымъ Лыкомъ,
Роздигшыся до сорочокъ,
Мижъ вештаннямъ, содомомъ, крыкомъ,
Пробрамыся подуть тычокъ.
Рутульцивъ добре тасовалы
И одъ Рутульцивъ получалы
Квытанцію въ своихъ долгахъ.
Лыкъ тилько тымъ и отлычывся,
Що якъ до Турна прымоствився,
То зыйиздивъ добре по зубахъ.

Но Турнь и самъ бувъ розбышака
И Лыка сплющывъ въ одынь махъ;
Изъ носа брызнула кабака,
У Турна околивъ въ ногахъ.
А также пану Геленору
Смертельного дамы затьору,
И сей безъ духу тутъ оставсь.
Рутульцивъ се розвеселю
И такъ ихъ серце ободрылю,
Що и негідный скризь совавсь.

Натыснулы и напустымысь,
Рутульци кынулысь на валь;
Троянцы якъ чорты озлымысь,
Рутульщивъ бымы наповаль.
Трищамы косты, ребра, боки,
Летилы зубы, пухлы щокы,
Зъ носивъ и усть юныла кровь:
Хто рачкы лизъ, а хто простягся,
Хто бувъ шкереберть, хто качався,
Хто бывъ, хто ризавъ, хто коловъ.

Завзятость всихъ опановала,
Тутъ всякый пинывъ и ярывсь;
Тутъ лютость всимы управляла
И всякый до надсаду бивсь.
Лыгарь, ударомъ макогона,
Духъ выпустивъ изъ Эмфіона,
И самъ на вики зубы стивъ.
Лутецій бьетъ Иліонея,
Циней Арефа, сей Циней,
Одынъ другого тасовавъ.

Ремуль Рутульской породы,
Троюродный бувъ Турну свать;
Хвастунъ и дурень одъ природы,
Що ни робывъ, то все не въ ладъ:
И тутъ начавъ що-сылъ крычаты,
Троянщивъ лаять, укоряты,
Себе и Турна вельчать:
«Ага! проклятые поганци,
«Недогаркы Троянски, ланци!
«Теперь прыйшлося вамъ погыбать.

«Мы васъ одучымъ, супостаты,
«Морыты вдовъ, дурить дивокъ;
«Чужіи зѣмли одиматы
«И шкodyты чужый садокъ.
«Давайте вашего гульвису,
«Я вмыгъ його одправно къ бису
«И васъ подавымо якъ мухъ;
«Чого прыйшли вы голодрабци?
«Лыгать Латынськіи потанци?
«Пождить, — вашъ вытиснымъ мы духъ.»

Гуль Энеевичъ дочувшысь
До безтолковыхъ сыхъ ричей,
Якъ шкурка на огни надувшысь,
Злость запалала изъ очей.
Вхонывъ каминчыкъ, — прыцильвсь,
Зажмурывъ око, — прыложывсь
И Ремула по лобу хвысь!
Хвастунъ бездушный повальвсь,
Гуль сердешно взвесельвсь,
А у Троянъ духъ оживывсь.

Пишлы кулачни накарпасы,
Въ выскы и въ зубы стусаны;
Полизлы тельбухы, ковбасы,
Вси пинылы якъ кабаны.
Вси розьярылысь черезъ миру;
По Сербськы вельчалы виру;
Хто чымъ попавъ, то тымъ локшынь.
Пиднявся пыскъ, стогнання, охы,
Врагъ на врага скакавъ мовъ блохы,
Кусався, грызъ, щыпавъ, душывъ.

Служымы у Троянъ два браты,
Изъ нихъ бувъ всякый Голяфъ;
Шырокоплечій и мордатый,
И по вивци цилкомъ глытавъ.
Одынъ дражнывся Бытіасомъ
И съ *Кочубейскимъ* винъ *Тарасомъ*
Колыбъ за-ввышкы не ривнявсь;
Другый же братъ Пандаромъ звався,
И выщій одъ версты здавався,
Та вялыйй, мовъ верблюдъ, тынявсь.

Два браты гризни исполены
Въ бою стоялы у воротъ,
Дрючки держалы зъ берестыны
И боронылы въ крпость входъ.
Воны къ земли попрысидалы,
Троянцы жъ въ городъ одступалы,
Къ соби манулы Рутулянъ.
Рутульци зрятъ навстяжъ ворота,
Прожегомъ въ крпость вся пихота
Спишыть, насисты на Троянъ.

Но хто льшѣ въ городъ показався,
Того въ яешню и побьютъ;
Бытіасъ съ братомъ управлявся,
Безщадно кровь Рутумьску льють.
Рутульци съ крыкомъ въ городъ прутся;
Якъ одъ серна колосся жнутся.
Якъ надъ пашней хурчатъ цины,
Такъ Исполынскіи дрючины
Мозчылы головы и спыны,
И всихъ молятъ, мовъ снопы.

Побачывъ Турнъ таку проруху,
Одъ злосты весь осатанивъ;
Здрыгнувъ, мовъ выпывъ чепуруху,
Къ своимъ на помичъ полетивъ.
Якъ только въ крепость протаскався,
Тузыты заразъ и прынявся,
Хто только пидъ руку понавсь:
Убивъ винъ съ Афидномъ Мерона,
И зо всего побигъ розгона,
Де Бытіасъ въ крови кунавсь.

Зъ наскоку триснувъ булавою
По вязихъ, вельканъ упавъ;
Объ землю вдаривсь головою
И крипость всю поколыхавъ.
Реветь и душу испускаеть
И воздухъ гримомъ наполняеть;
На всихъ напавъ велькій страхъ!
Не спасъ ни ростъ, ни сыла многа;
Пропавъ Бытіасъ, мовъ стонога;
И исполинъ есть червь и прахъ!

Пандаръ погыбель бачывъ брата,
Злякався, звомпывъ, замишавсь,
И одъ Рутульска стратылата
Якъ-мога швыдче убиравсь.
Промижъ оселею хылявся,
Тыны переступавъ, ховався.
И щобъ одъ Турна увильнуть,
Ворота зачынивъ у брамы
И завалывъ ихъ колоддями,
Хотивъ одъ бою отдохнуть.

Но якъ же сыльно удивывся,
Якъ Турна въ крипосты уздривъ;
Тогди изъ нужды прыбодрывся
И злостью весь закипивъ.
«Ага! ты шибенькъ попался,
«Безъ зву къ намъ въ гости навязався,
Пандаръ до Турна закрывавъ:
«Пожды, отъ заразы почастью,
«Изъ тебе выбью душу злую,
«До сього часу храбровавъ!» —

«А ну прылизъ, Турнъ отвичае:
«Келебердянская верства!
«Якъ быю я, братъ твѣй тее знае,
«Ходы, тоби вкручу хвоста.»
Тутъ Пандаръ камень пиднимае
И въ Турна зо всихъ жылъ пускае,
Нырнувъ бы Турнъ на вики въ адъ!
Но де Юнона ни взялася,
И передъ Турномъ распялася,
Попавъ богыню камнемъ въ ладъ.

Незрѣму чуетъ Турнѣ заслоу,
Бодрытся, скачетъ на врага,
На помичъ призыва Юнону,
Пандара по лобу стѣга
И вовся зѣ нигѣ його зныбае,
До мизку черепъ розбивае;
Пропавъ и другій великанъ!
Така потеря устрашила
И сердце бодрее смутыла
У самыхъ храбрѣйшихъ Троянѣ.

Удачею Турнѣ ободрылся,
По всихъ усюдахъ смерть носывѣ;
Якъ кнуръ свирѣпый розъярився,
И безъ пощады всихъ косывѣ.
Розсикъ на двое Филарыса,
Въ яешню ростопава Галыса,
Крыфею голову одтявѣ;
Щолкавѣ въ выскы, штурхавѣ пидѣ боки
И самые кулачни докы
Ховалысь, хто куды попавѣ.

Троянцы злее умышляютъ,
Щобъ пречъ изъ крепосты втикать;
Свое лахмиття забирають,
Куды удастся тягу дать.
Но ихъ *Обозный Генеральный*,
Надъ всимы остававсь начальный,
Серестъ вельможный обизвавсь:
«Куды? — вамъ сорома немає!
«Хто чувъ? Троянецъ утихае!
«Чого нашъ славный ридъ доживьсь!

«Одынъ палывода яруе,
«А васъ тутъ стिल्ко, боетесь;
«Въ господи вашій вередуе,
«Рутульскій шолудывый песъ.
«Що скаже свить про насъ Трояне?
«Що мы шатерныкы, — цыгане,
«Що мы труслывыйши жыдивъ.
«А князь нашъ бидный, що помыслить?
«Аджежъ за воинивъ насъ чыслить,
«За внукивъ славныйшихъ дидивъ.

«Збирится, Турна окружите,
«Не сто разъ можна умерать;
«Гуртомъ, — гуртомъ його наprite,
«Одъ васъ винъ мусить пропадать.»
Агу! Троянцы схаменулись,
Та вси до Турна и сунулись;
Панъ Турнъ тутъ на слызьку попалъ!
Вылявъ, хытрывъ и увывався,
И тилько къ Тыбру що добрався,
То въ воду стрыбъ, — пустывся вплавъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

